

Контекст

«ЧУЖОЕ», ИЛИ КАКИЕ ВСХОДЫ ДАЛА ПРИШЕДШАЯ С ЗАПАДА КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ НА ИНДИЙСКОЙ ПОЧВЕ

Ирина Петровна Глушкова,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Центра индийских исследований
Института востоковедения РАН;
ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных исследований пространства
Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва
E-mail: iri_glu@hotmail.com

Обзор описывает ситуацию в «официальной» культурной географии декларируемой Индийским советом по исследованиям в области общественных наук. Этот подход формировался на протяжении последнего столетия в колониальном и позднее в постколониальном государстве при игнорировании давней и оригинальной геоцентристской традиции собственно Южной Азии. Авторский анализ «чужого», т.е. привнесённых с Запада и применённых к исследованию Индии идей, свидетельствует о том, что в таком понимании культурная география не обнаруживает ни своего предмета, ни своего метода, а только лишней раз указывает на то, что человек и всё его окружение существуют в общем пространстве.

Ключевые слова: Индия; культурная география; англо-американский подход; постколониализм.

УДК (540)911.3:008

Говоря об индийской культурной географии, следовало бы разделить повествование на сделанное в Индии и за её пределами. Однако территориальное противопоставление кажется нам формальным; содержательно и методологически исследования будут различаться как «своё» и «чужое». Так, например, сделанное в Индии может быть как «своим», возвращенным оригинальной традицией, так и «чужим», привнесённым с Запада, что связано с оформлением идей культурной географии за пределами Южной Азии. В настоящей статье рассматривается *проникновение идей западоцентричной культурной географии в Индию* и особенности её развития в стране.

В Южной Азии география обрела официальный статус в середине XIX в. с появлением в школьной программе и закрепила его, став самостоятельной дисциплиной в университетском образовании в 1920 г. в Лахоре (теперь на территории Пакистана). В те же 1920-е годы географические кафедры открылись в Алигархском мусульманском университете, университетах Патны и Мадраса (ныне Ченнаи). В следующем десятилетии географию начали изучать в Агре, Аллахабаде и Калькутте (ныне Колката). Первые географические общества возникли в Алигархе (1925), Мадрасе (1926) и Калькутте (1936), причём каждое из них учредило собственный научно-исследовательский журнал. По данным на середину 2012 года, не менее трети из 567 индийских государственных и частных университетов имеют в своей структуре или в аффилированных колледжах географический факультет.

«Культурная география» рекомендована «Университетской комиссией по грантам» (*University Grant Commission*) – федеральным «головным мозгом» индийских университетов

– как самостоятельное *направление* для получения степеней бакалавра и магистра (В.А./В.Sc. и М.А./М.Sc.) в курсе «География». Его основными целями названы:

- 1) осознание культурного разнообразия в мире и в Индии;
- 2) обнаружение масштаба и векторов распространения различных этнических признаков и религий;
- 3) установление зависимости между различными культурами, моделями образа жизни и экономического развития [UGC... 2001: 121-122].

Список обязательной литературы базируется на индийских работах из области общественной географии (Дж. Хазра, А.Б. Мук(х)ерджи, А. Айджазуддин, А.К. Сингх) и англо-американской традиции в области культурной географии: Дж. Брук и Дж. Уэбб (J.O. Broek & J.W. Webb), Д. Софер (D.E. Sopher), Д. Мэсси и П. Джесс (D. Massey & P. Jess), М. Крэнг (M. Crang) и т.д. В целом в учебном процессе культурная география понимается как «многообразие культур в Индии и за её пределами в их соотнесённости с этносами, религиями и уровнем экономического развития». Вследствие того, что департаменты высшего образования индийских штатов могут на 25% изменять рекомендованные программы, в колледжах и университетах различных регионов культурная география может «выпадать» из образовательного процесса, факультативно материализуясь в рамках обязательного реферата по теме «Методология географических исследований».

Современная общественная география (*human geography*) Индии выросла из трёх источников: немецкой антропогеографии (её проводниками стали Н.Р. Кар и К.Р. Дикшит), французской школы географии человека (Р.Н. Дубе, М.Х. Рахман, С.П. Чаттерджи) и – в наибольшей степени по причине колониальной зависимости Индии от метрополии – англо-американской традиции, предполагающей разграничение «природного», т.е. изначального, и «культурного», т.е. привнесённого (М. Шафи, Р.Л. Сингх, С.Д. Дешпанде, П. Даял, Дж. Курьян).

Упомянутые личности заняли своё место в истории индийской географии преимущественно как основоположники географических институций в разных частях страны, поскольку списки их работ состоят в значительной степени из традиционных географических сюжетов. После достижения в 1947 г. независимости самым мощным источником влияния на Индию стала *американская школа* – главным образом, К. Зауэра и Берклийского университета. Ни одна из этих «географий» – как и их приверженцы в Южной Азии – не выработала единого подхода, и привнесенные на родную почву индийскими стипендиатами западных факультетов представления определялись (и определяются) традициями соответствующего университета, личными приоритетами и профессиональной преданностью учеников.

Это обстоятельство наглядно иллюстрирует сборник работ «Культурная география, формы и процессы: статьи в честь проф. А.Б. Мукерджи» [Cultural... 2004], изданный к 75-летию географа, оставившего следы своей научной деятельности в Аллахабаде (Утар-Прадеш), Удайпуре (Раджастхан), Хайдарабаде (Андхра-Прадеш), Чандигархе (Панджаб) и Пуне (Махараштра). Перемещаясь из Северной в Южную и Западную Индию, А.Б. Мукерджи оставался верен «сельскому направлению», описывая «типы домов, морфологию деревенских поселений и обрабатываемых площадей», время от времени отвлекаясь на политическую географию взрывоопасных регионов и географические факторы в индийской истории. Обложка коллективного труда «Культурная география...» выполнена в багряном цвете, переходящем в краски закатного неба, которое нависло над пространством устремленного к горизонту ландшафта: взгляд «с высоты» обнаруживает на переднем плане заросли кустов, расположенные за ними – в низине – обмелевшее (как во время жаркого сезона) русло реки и – уже вдали – невысокие горы. Кажется, что позади реки угадывается жилищная постройка, но её силуэт расплывчат и может принадлежать природному феномену. В целом зрительный ряд оставляет впечатление природного, а не антропогенного ландшафта и вызывает ассоциации с физической географией. К тому же линия горизонта на обложке, тривиальная сама по себе, дополнительно навеивает мысль об отсутствии границ у заявленной в названии дисциплины,

о её размытости и незакрытости, что подтверждается и собранными под этой обложкой статьями. Последние распределяются по пяти разделам: «Методологические положения», «Отпечатки культуры на ландшафте», «Культурные процессы и изменения», «Культурные признаки и их распределение» и «Культурная экология». Почти магический повтор лексем «культура» и «культурный» отражает основное требование дисциплины: изучение любых – материальных и нематериальных – проявлений культуры (понимание которой никак не ограничивается) на земной поверхности, так как последняя входит в компетенцию географии.

Яркой иллюстрацией к невыявленной сущности объекта и предмета культурной географии служит монументальный – 1600-страничный – двухтомник «Оксфордский справочник по Индии: социология и культурная антропология» [The Oxford... 2003]. Концепция справочника, как и его составление, осуществлено Виной Дас, индийским социологом/культурантропологом, работающей в США; издан труд в индийском филиале знаменитого британского издательства Oxford University Press. Такой симбиоз предопределил отбор материала: работы американских, английских и индийских учёных соседствуют вне зависимости от индивидуальных взглядов, школ и научных направлений. Раздел «Экологический контекст социальной жизни» (том I) – среди прочего – включает главу «Социальная и культурная география» [The Oxford... 2003: 326-365], по сути, первую обобщающую публикацию в этой области. Написанная двумя западными учеными в сотрудничестве с индийским, глава открывается сообщением, что «социальная и культурная географии возникли в XX в., наряду со связанными с ними субдисциплинами экономической, политической, городской и сельской географии как специализированные направления географии человека... Культургеографы стали прибегать к историческим, экологическим и этнографическим методам для исследований зафиксированных моделей религии, языка, пищевых норм, искусства и обычаев» [The Oxford... 2003: 326]. Авторы считают 1960-е и 1990-е годы декадами наиболее интенсивных исследований в области социальной и культурной географии и перечисляют достижения, не проводя различий между этими двумя направлениями и даже привлекая данные из политической и экономической географии. В этом смысле они следуют номенклатуре, принятой Индийским советом по исследованиям в области общественных наук (Indian Council of Social Science Research). Она предполагает объединение социальной и культурной географии, а определяя сферы их общей компетенции («расы, этничность, племена, языки, диалекты, касты, религии, социальные изменения, модернизация, социальная инфраструктура, здоровье, образование, культурные корреляты, социальная патология, социальное благо-состояние, социальная напряженность, социальные удобства и женские исследования» [The Oxford... 2003: 331]), вовсе упускает из виду пространственный фактор.

На мой взгляд, географические идеи древности и средневековья, порождённые топологической цепкостью и приверженностью к картографической наглядности, свойственным различным жанрам индийской культуры; анализ последующего комбинирования индийских и европейских методов представляют собой целый пласт географических исследований осознания окружающей действительности. Именно это направление, использующее географическую морфологию для решения внегеографических задач, представляется нам наиболее перспективным для культурной географии. Однако в южноазиатских исследованиях культурная география выступает лишь методологией, к которой при необходимости обращаются историки, филологи и религиоведы при решении своих частных задач.

Колониальное прошлое оставило особый след в географической литературе, посвящённой Южной Азии, исследование которой было продиктовано задачами пространственной экспансии, освоения и удержания территорий. В этой связи авторы даже упоминают сторонников анархического направления в географии Элизе Реклю и Петра Кропоткина, «борющихся против империализма, национализма и расизма, хотя их институциональное влияние было незначительным. Политический изгнанник из царской России, Кропоткин ратовал за географию, которая бы объединяла научное исследование с продвижением [идей] о взаимоважении и взаимопомощи. Хотя в Англии к нему относились терпимо, он имел ограниченное

воздействие на Королевское географическое общество, чье влияние распространялось на Индию» [The Oxford... 2003: 328].

Постколониальная ситуация диктовала свои приоритеты, связанные с задачами становления нового государства и национального развития. Почти пять десятилетий были посвящены изучению форм землепользования, сбору статистических данных, составлению отчетов по переписям, созданию атласов и, наконец, научной компьютеризации всех направлений географии. Отправной точкой для этого стали знаменитые британские газеттиры – обширные справочники по территориям под колониальным контролем, в качестве обязательного введения содержавшие географическую детализацию округов с приложением пространственных схем как городских, так и сельских районов. Подобно им сегодня университетские исследования по истории принято начинать с указания географических координат рассматриваемой территории.

Помимо внутренних потребностей, каждое десятилетие задавало свою моду. Качественная революция 1960-х годов влияла на выбор тем и подходов, нацеливая географов на поиск соотношений между неравномерностью развития, промышленно-насыщенными зонами, бихевиористскими моделями и т.д. Возросшая с 1970-х годов социальная напряженность переключила внимание географов на вопросы бедности, дискриминации и конфликтов, в результате актуализировав неизбежные для Индии религиозный и кастовый факторы, а также гендерный вопрос. В связи с этим авторы рассматривают «географию социальных иерархий и различий» как значимый компонент социокультурной географии [ср. Ефремова 1994; 2000], и концентрируются на трудовой мобильности так называемых зарегистрированных каст и профессиональной занятости, регулируемой кастовой и гендерной принадлежностью, а также на проблемах урбанизации, порождающей социальную и экономическую дезинтеграцию, и стратегиях выживания. Включение «женского аспекта» наряду с вопросами репродукции рассматривается культургеографами как фактор, воздействующий на «доминантную андроцентричную парадигму в географии» и «укрепляющий феминистскую географию» [The Oxford... 2003: 338, 339].

Одним из весомых достижений этого направления Дж. Вескот, Р. Нагар и Д. Фауст называют «Атлас племенной Индии» [Raza, Ahmad 1990], который отражает пространственный охват и плотность племенного расселения, демографические характеристики, сдвиги в аграрных предпочтениях и прочие факторы, привлеченные социокультурной географией из лингвистики, архитектуры и других гуманитарных дисциплин. К этому направлению примыкают исследования, посвященные стратегии выживания кочевых и полупоселенческих общностей в условиях обезлесения, эрозии земель, затопления территорий из-за строительства плотин, дефицита продовольственных ресурсов и прочих причин, ведущих к нарушению экологического баланса и изменениям в жизни людей.

В качестве следующего направления авторы «Оксфордского справочника...» выделяют «географию здоровья, рисков и окружающей среды», подразумевая исследование пространственного распространения различных болезней и заболеваемости в целом, смертности, моделей питания, экологических конфликтов; выявление зависимости факторов риска от физической и социальной среды с непременным параллельным картографированием [The Oxford... 2003: 340, 341].

Наконец, в качестве третьего направления авторы обзора социальной и культурной географии называют «культурный ландшафт». С культурной географией в наибольшей степени, по их мнению, согласуется именно эта тема, состоящая из пяти подтем:

- 1) изучение изменений в долгосрочной структуре расселения;
- 2) морфологический анализ урбанизации и формирования жилых массивов;
- 3) практический анализ консервации ландшафта и туризм;
- 4) феноменологическое и эстетическое исследование понятия «место» и
- 5) критическое рассмотрение воздействия на ландшафт власти, культурных предпочтений и конфликтов в рамках «новой культурной географии», как раз и объединяющей

воедино социальную и культурную географию [The Oxford... 2003: 344–345]. Последующие иллюстрации в диапазоне от исторической географии (устройство могольских парковых ансамблей и колониальных горных курортов) до распространения вегетарианства и размещения на индийской почве навесов для крупного рогатого скота свидетельствуют, что ландшафт пребывает в постоянном «культурном» диалоге с человеком.

Однако наибольшее число культургеографических проектов фокусируется на религиозном, преимущественно, индусском ландшафте. Этот сюжет занял постоянное место в научной работе ряда университетов, расположенных в священных местах, например, в Варанаси (Бенарес). Тема успешно поддерживается такими географами, как (ныне покойный) Р.Л. Сингх и его ученик Рана П.Б. Сингх посредством издающегося там же «Национального географического журнала Индии» и активного участия в международных конференциях. С.М. Бхардвадж, создавший книгу «Индусские места паломничества в Индии: исследование по культурной географии» [Bhardwaj 1973] под прямым влиянием географов Берклийской школы, объединил в единое целое и дополнил картографическим материалом мифологию, историю и данные современных социологических опросов. Он считается основоположником изучения паломнической практики в Южной Азии. Традиция К. Зауэра и исследователь индийских просторов Дэвид Софер упорно прививали в Индии свою концепцию «места», что содействовало усвоению подхода к ландшафту как тексту при исследовании известных религиозных комплексов. В дальнейшем изучение культурного ландшафта расширилось за счёт привлечения данных литературы, живописи, танца и кино. «Эти исследования обратились к искусству в поисках глубоких ощущений [в передаче] смысла культурного ландшафта и как к источнику данных для историко-географического анализа» [The Oxford... 2003: 347]. Впрочем, по признанию Дж. Вескота, Р. Нагар и Д. Фауста, «в отношении всех вышеупомянутых работ остается неясным, что вносит изучение культурного ландшафта или предполагает внести в проблему смыслов в целом» [The Oxford... 2003: 347].

Обширная библиография к этой главе [The Oxford... 2003: 349–365] разбивается на составляющие («Введение», «Племена, касты и гендер», «География здоровья, риска и окружающей среды», «Изучение культурного ландшафта»), подтверждающие включение «социальной и культурной географии» в поле социологии и культурной антропологии, к которым обычно и принадлежат перечисленные темы.

Однако два последующих раздела «Оксфордского справочника ...» носят название «Морфологические категории» [The Oxford... 2003: 368–563] и «Культурный ландшафт» [The Oxford... 2003: 564–696]. Первый из них содержит главы, чьи названия повторяют основные направления, заявляемые в главе «Социальная и культурная география»: «Племена в Индии», «Деревенские общности», «Индийский город», «Каста» и т.д. Второй же, вопреки своему названию, анализирует темы, связанные с духовной жизнью и её проявлениями: «Категория „простонародье“ (folk)», «Изобразительная деятельность (Performances)», «Образ в индийской культуре», «Культура внешнего поведения (Public Culture)» и т.д.

Представление о культурной географии как о смешении различных направлений географической науки также отражают регулярные обзоры «Прогресс в индийской географии», публикуемые к очередным международным географическим конгрессам. Соответствующие разделы заняли своё место в репрезентации достижений индийской географии начиная с 2004 г.: Глазго [Singh, Singh 2004], Тунис [Singh, Singh 2008], Кёльн [Singh 2012]. Они состоят исключительно учёными «бенаресской школы» и лично Раной П.Б. Сингхом, неустанно популяризирующим «паломнический образ главной индусской святыни» – Варанаси (Бенарес).

В силу особых пристрастий составителей обзоров теме *паломничества* придаётся особое значение. Так, глава «Культурное путешествие: паломничество и святое место», открывая раздел культурной географии в обзоре 2004 г., сообщает о важности топографического символизма и паломнического ландшафта, что, собственно, и создаёт уникальное исследовательское поле именно в структуре Южной Азии. Вторая глава, оправдывая свое несфоку-

сированное название – «Культурные представления и меняющиеся соображения» – вмещает в себя литературные образы пространства, «ложные географии вымышленных городов», каштовую проблематику в связи с качеством плодородных земель, проблемы Бихара, Западной Бенгалии и Кашмира, языковые вопросы, женскую тематику и суфийскую традицию ислама. Третья глава – «Ландшафты, культурное наследие, состязание и контекст», наоборот, посвящена очень важной в пространстве всего субконтинента проблематике борьбы ландшафтов, сформированных разными религиями, их соперничеству и взаимовытеснению, культурным напластованиям. Это приводит к появлению термина *faithscape*. Наличие первой и третьей глав не помешало авторам написать отдельную – четвертую – главу «Варанаси – священный город и символ индийской культуры», представляющую мировое «бенаресоведение» как самостоятельное направление. Наконец, пятая глава – «Ганди – культурный символ и мечта» – предпринимает удивительную попытку включить в поле культурной географии и «государствообразующий» образ Махатмы Ганди как «национальной иконы» [Singh, Singh 2008: 70–76]. Это, в принципе, могло бы иметь логическое обоснование в связи с тем, что именно М. Ганди в 1930-е годы стал инициатором создания в Бенаресе храма, посвящённого Матери-Индии, где главным объектом поклонения была назначена рельефно выполненная карта Индии.

Раздел «Культурная география» в последнем обзоре [Singh 2012] во многом повторяет тематику и стиль предыдущего, вводя дополнительно две главы: «Обзор индийской культуры» и «Культура как реакция человека: историческое предисловие». Кроме этого в названии главы «Культурное путешествие: паломничество и святое место» последнее словосочетание заменено на *sacredscape*; глава о Махатме Ганди, тема которой, вероятно, не получила культургеографического развития в период между двумя конгрессами, опущена.

Наряду с «синкретическим» наполнением (социо)культурной географии темами, привычно рассматриваемыми в рамках социологии, религиоведения, культурной антропологии, ряд индийских публикаций свидетельствует о предметно более узком, но пространственно более широком толковании этой дисциплины, увязывая географическое пространство с манифестациями фактов духовной и материальной культуры.

Так, «Атлас культурного наследия Индии» [Cultural... 2007], изданный в Колкате, столице современного штата Западная Бенгалия, содержит богатый картографический материал и отражает идеи С.П. Чаттерджи, одного из зачинателей географических исследований в этой части Индии, изложенные в когда-то прочитанном им цикле лекций «География и культура». Содержание этих лекций объясняло культурную географию в духе «научной дисциплины, изучающей культурное разнообразие человечества в пространственном (хорологическом) отношении», объектом изучения которой выступает «распространение человеческой культуры по земной поверхности» [Стрелецкий 2004: 298; см. тж. Замятин и др. 2008: 65-78]. Атлас содержит 6 основных разделов:

I. «Введение. Карты» (1. «Древняя Индия – физическая карта», 2. «Древняя Индия – культурная карта»);

II. «Религии и философия» (3. «Индуизм: происхождение и распространение», 4. «Святые места индуизма», 5. «Джайнизм», 6. «Буддизм», 7. «Ислам», 8. «Христианство», 9. «Сикхизм»);

III. «Движение бхакти – средневековый девиционализм» (10. «Святые традиции „ниргуна“ и „сагуна“, 11. «Суфизм», 12. «Пути передвижения святого Кабира», 13. «Традиция Кабира: происхождение и распространение», 14. «Чайтанья и гаудский вишнуизм»);

IV. «Социальные реформаторские движения» (15. «Арья Самадж», 16. «Брахмо Самадж», 17. «Монастырь и Миссия Рамакришны», 18. «Миссия Чимнаи»);

V. «Искусство и культура» (19. «Археология», 20. «Храмовая архитектура», 21. «Скульптура», 22. Живописное наследие», 23. «Ярмарки и фестивали», 24. «Диетические предпочтения и кухня», 25. «Древние системы медицины», 26. «Культурно-племенной состав», 27. «Зарегистрированные касты – 1», 28. «Зарегистрированные касты – 2»);

VI. «Исполнительские виды искусств» (29. «Школы музыки/Музыкальные кланы», 30. «Танцевальные виды», 31. «Народные музыкальные инструменты», 32. «Народные театры»).

Скрупулёзный труд авторского коллектива отражает культуру глазами «бенгальской географической школы», определяет как культурное наследие Индии то, что видится и осознаётся таковым из Западной Бенгалии и во многом фиксирует распространение «бенгальского» за пределы родной ойкумены. Так, например, нашли своё место в масштабах общеиндийского пространства отделения «Миссии Рамакришны», имеющие отношения к знаменитому бенгальскому мистика XX в.; храмы «Общества сознания Кришны», восходящие к учению Чайтаньи, проповедника XVI в. В ряде случаев – как, например, в главе «Школы музыки/Музыкальные кланы» – на смену бенгальскому приходит североиндийское; зато глава «Народные музыкальные инструменты» не только классифицирует около восьми десятков оригинальных индийских инструментов, но и локализует преимущественное распространение каждого из них в тех или иных частях страны.

Предпринятый в настоящей статье анализ «чужого» – т.е. привнесённых с Запада и применённых к исследованию Индии идей – свидетельствует: в таком понимании культурная география не обнаруживает ни своего предмета, ни своего метода. На мой взгляд, она всего лишь подтверждает тот банальный факт, что человек и всё, с чем он сталкивается, существуют в общем пространстве.

Литература

Ефремова И.А. Региональные особенности кастовых систем в Индии: Дисс. ... канд. истор. наук. М.: Институт востоковедения РАН, 1994.

Ефремова И.А. Регион и каста. Типы кастовой структуры и однородные кастовые районы // Индия: страна и её регионы / Отв. ред. Е.Ю. Ванина. М.: УРСС, 2000.

Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. М.: Институт наследия, 2008.

Стрелецкий В.Н. Программа лекционного курса «Основы культурной географии» // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Гл. ред. Д.Н. Замятин. Вып. 1. М.: Институт наследия, 2004. С. 298-310.

Bhardwaj S.M. Hindu Places of Pilgrimages in India: a Study in Cultural Geography. Berkeley: University of California Press, 1973.

The Oxford India Companion to Sociology and Social Anthropology / Ed. by D. Veena. New Delhi: Oxford University Press, 2003.

Cultural Geography, Form and Process: Essays in Honour of Prof. A.B. Mukerji / Ed. by N. Grover, K.N. Singh. New Delhi: Concept Publishing Company, 2004.

Cultural Heritage Atlas of India / Ed. by P. Nag. Kolkata: National Atlas & Thematic Mapping Organisation, Department of Science & Technology, Government of India, 2007.

Raza M., Ahmad A. An Atlas of Tribal India. New Delhi: Concept Publishing Company, 1990.

Singh Rana P.B. Cultural Geography // Progress in Indian Geography 2008–2012: A Country Report. 32nd International Geographical Congress, Cologne, Germany, August 26–30 / Ed. by Singh R.B. New Delhi: Indian National Science Academy, 2012.

Singh Rana P.B., Singh Ravi S. Cultural Geography of India // Progress in Indian Geography 2000–2004: A Country Report. 30th International Geographical Congress, Glasgow, UK, August 15–20 / Ed. by Sharma H.N. New Delhi: Indian National Committee of Geography, 2004.

Singh Rana P.B., Singh Ravi S. Cultural Geography // Progress in Indian Geography 2004–2008: A Country Report. 31st International Geographical Congress, Tunis, Tunisia, August 12–15 / Ed. by Nayak D.K. New Delhi: Indian National Science Academy, 2008.

UGC Model Curriculum. Geography. New Delhi: University Grant Commission, 2001.